

Третьяков Сергей Михайлович

Дэн Ши-хуа

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
С32

С32 **Сергей Михайлович Т.**
Дэн Ши-хуа / Третьяков Сергей Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2024. – 392 с.

ISBN 978-5-519-77414-7

ISBN 978-5-519-77414-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Я	ЧАСТЬ I
ИМЯ.—ЧУ—ПУ.—ПРЕДКИ	ГЛАВА I

Меня зовут Дэн Ши-хуа. Я — Ши-хуа из рода Дэн, что в сычуанской деревне Дэн Цзя-чжень на реке Янцзы. Имя Ши-хуа дал мне при рождении старший дядя, вечно пьяненький философ и неудавшийся мандарин. Ши-хуа значит «Мир Китая». Одновременно это обозначает «Светлый Цветок».

«Мир Китая», «Светлый Цветок» — странные это имена в наши дни, когда в Китае война.

Хуа — мое личное имя. Ши — имя всего нашего поколения. Оно есть в имени сестры Ши-куэн и в именах двоюродных братьев.

Отец мой — Дэн Я-пу, и имя Пу отличает все отцовское поколение.

Его носят и дяди — старший Дэн Сао-пу и младший Дэн Ти-пу.

Я родился в большом родовом доме Дэн в январские дни, когда обмелевшая и поголубевшая, словно в болезненной худобе, с шумом бежит великолепная Янцзы в теснинах крутых сычуанских берегов. Наш дом — цепь дворов, обставленных комнатами, террасами, лепится вверх по горе. С верхних террас через верхушки деревьев видно голубое тело реки. В молитвенном зале — литан лежит книга метрик — чу-пу. В нее вписана вся история рода Дэн.

Наш род начинается 2000 лет тому назад мифическим Дэн-Цзы, учеником Конфуция. Для китайских родов обычно обзаводиться знатными или святыми родоначальниками. От этого Дэн-Цзы в книге идет запись одних только родоначальников. Эта часть — легендарная.

Историческая часть книги начинается триста лет тому назад. С пришествием к власти чужеземной маньчжурской династии Цинов, верный павшей китайской династии Минов, мандарин и военачальник Дэн Фын-у ушел в Сычуань в добровольную опалу.

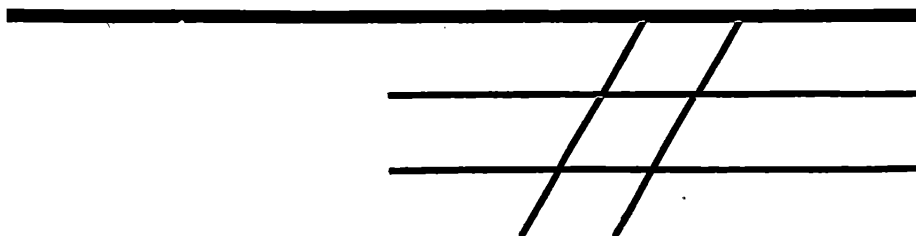
В то время Сычуань был полупустыней. Террор разбойничьих шаек Чжан Сиен-чжуна и Ли Чжу-чена вырезал целые уезды. Сычуань обезлюдел. Отбил от разбойников только

один уезд, предводимый женщиной-полководцем. В этом уезде доныне уцелел коренной сычуанский язык. В остальном Сычуане язык почти тот же, что в северных коренных китайских провинциях Чжили, Шенси, Хэнань. Этот язык занесли сюда переселенцы. Земли было много, — бери, кому не лень.

Дэн Фын-у сел на землю со своей семьей. Семья разрослась в поселок Дэн Цзя-чжень, что значит в переводе — деревня имени Дэн. Сначала все люди в этой деревне носили фамилии Дэн и были родичами. Затем некоторые Дэн, разоряясь, стали переходить на другие места, а на место их поселились пришельцы.

И сейчас в деревне Дэн Цзя-чжень много людей носят фамилию Дэн, но для меня они уже не родные. Они за порогом пятиродства. А мы считаем шестиродных уже чужими.

Когда я родился, в родовом доме жило 17 человек Дэн и три прислуги. Когда-то этот дом был много больше. Дэн плодились, расселяя своих сыновей и внучат в пределах огромной родовой стены. Но пришло время, некоторые из них обеднели, захудали, куски прежнего владенья перекупили деревенские торговцы гаоляном и пшеничным самогонном. Однажды, бродя под Новый год по деревне от двери к двери, я заглянул в самогонную мастерскую этих богачей. От котла над очагом шла бамбуковая трубка в холодильник. Мне ударил в нос тяжелый, мутный запах спирта. Я убежал прочь, прыгая по истлевающим фундаментам выморочных кусков владения к воротам, за которыми жили живые Дэн.

**ЯНЦЗЫ. — ФЫН-ШУЭЙ. — ПЛАН
ДОМА. — КТО ЖИВЕТ. — ЛИТАН. —
КУРИТЕЛЬНЫЕ ПАЛОЧКИ. —**

Д О М

ГЛАВА II

КОРМЛЕНИЕ ПРЕДКОВ. — МОЯ НЕВЕЖЛИВОСТЬ

Берег Янцзы каменист и глинист. Глина и рухлый камень около пристаней, где грудятся лодки рыболовов и перевозчиков. Янцзы широка в этом месте. Она раз в пять шире Москвы-реки против Кремля.

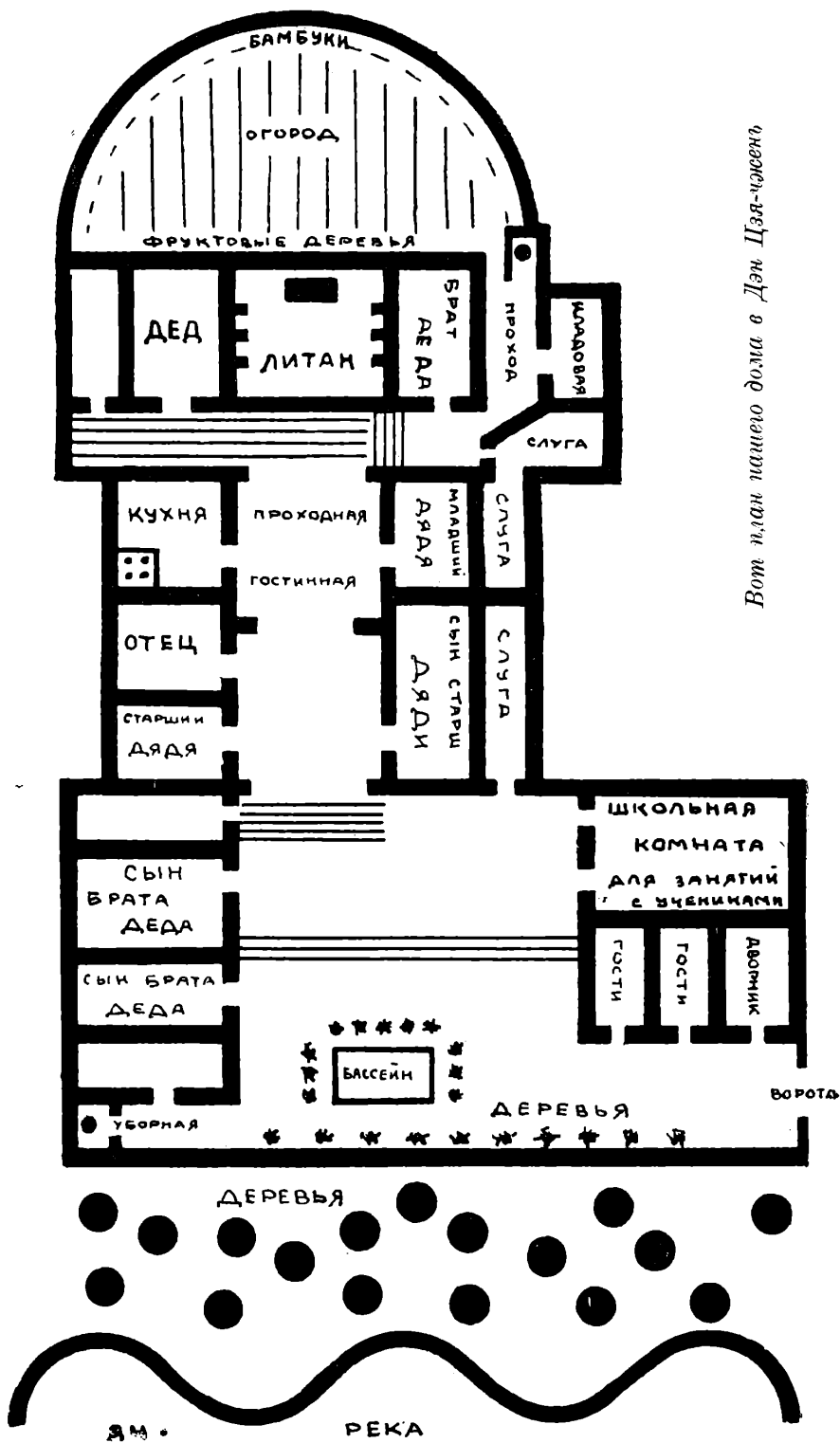
В детстве я хорошо различал, что делается на том ее берегу. А теперь северный пекинский ветер и пыль испортили мне глаза. Весною Янцзы великолепна: бугры берегов не просто зелены, они красны, желты, голубы — от цветения, и цветенье это отражается в чистой голубой воде. К лету Янцзы рыжеет, набухает илестою мутью, — это льют ливни у далеких истоков, в диких притибетских горах. Когда вода Янцзы голуба, мы ее пьем, предварительно вскипятив на очагах. А кули — бродячие жнецы и бурлаки барок — пьют ее сырой, устав от работы и зажаждав. Пьют, закусывая головкою горького лука, который, по их мнению, делает всякую воду здоровой.

Между стеной дома и рекой по склону — гряда деревьев. Если глядеть на нашу деревню с реки, ее трудно различить сквозь древесные чащи. Каждый клочок, каждая стена в строгом порядке обсаживается деревьями по указаниям почтенного фын-шуэй.

Фын — значит ветер, шуэй — вода. Фын-шуэй, это — человек, который указывает новоселам, где поставить дом, как лучше осветить его солнцем, и чтобы ветры разбивались об стены и как выгоднее обсадить деревьями и какой породы. Он же, когда умирают люди, отыскивает подходящие места для их могил, чтобы около них росли хорошие цветы, чтобы тел их не с'ела подпочвенная сырость, чтобы красивые виды окружали то место, откуда, по буддийским повериям, душа начнет свои бесконечные посмертные перевоплощения. Фын-шуэй — деревенский гадалщик и астролог.

Сквозь обсады дерев глаз не проникает до стен и ворот. Зелены густые сады и чист воздух в нашем Сычуане.

В первом большом дворе, среди деревьев, огромный каменный бассейн полутора аршин высоты. В нем копится дождевая вода и живут золотые с коричневым и серебряные с фиолетовым рыбешки. Из этого бассейна поливается зелень, растущая внутри домовых стен. Вдоль стены лепятся деревья

Вот план нашего дома в Дэн Цзя-чжэнь

мускатного ореха. Он очень дорог. Чтобы его не покрали, он посажен под прикрытием основной домовой стены. Тремя дворами-террасами рассечен дом и замкнут поверху огородной террасой. Лестницы ведут со двора во двор сквозь стены, а между вторым и третьим двором помещается проходная, где принимают гостей. За гостиной — последний двор, а за двором — ряд главных комнат. Посредине зал — литан, рядом с залом — комната деда, начальника рода и дома, а по другую сторону живет его брат. За верхнюю стеною дома огород, обсаженный деревьями и окаймленный полукруглой живой бамбуковой изгородью. Он переходит в фруктовый сад. Там тутовые деревья, гранаты, абрикосы, апельсины, персики, каштаны, мандарины, приносящие в среднем до пятисот оранжевых шаров на деревцо, орехи. Сад и огород вокруг дома вместе с самим домом занимает двадцать му земли. Это — полтора гектара. С этих полутора гектаров свободно живет семнадцать человек, населяющих дом. Огород богат, как музей. Различные кочны сычуанских капуст, среди которых главенствует зеленая. Ее, соленную в бочках. Сычуан сбывает вниз по Янцзы. Огурцы, редиска, редька, репа, сладкий картофель, горох, салат, кабачки. Эти зеленые кормилицы ежедневно переходят с гряд на наш обеденный стол. Только старшие едят ежедневно немного мяса, остальные получают мясной кусочек не чаще двух раз в месяц.

Поколения распределялись по горе сверху вниз. Старшие жили наверху, окруженные кладовыми и окружая собою родовой алтарь. Дальше шли комнаты отца, дядей, гостиная и кухня и, наконец, в самом низу помещалось третье поколение, комнаты для приезжающих гостей, дворницкая и большая классная комната, где учил деревенских ребятишек мой старший дядя. А рядом с комнатами дедов и отцов узкие — помесь коридорчика и кладовки — комнатенки слуг.

В молитвенном зале — литан — прямо против входной двери у стены стоит престол-киот, похожий на европейский буфет. Это — шень-кан. Он — черный и огромный. Хитрое резное дерево его выложено костью. По черному дереву его верхней половины дорожкой сверху вниз тянутся золотые иероглифы. Их пять: «Небо», «Земля», «Император», «Предок», «Учитель». Этот столбик иероглифов снизу подпирается шестым иероглифом, значение которого — «Престол». По обе стороны этой главной таблицы — тан-ли, похожей на запрестольные иконы ваших русских церквей, висят кипарисные дощечки в две ладони длиною. На этих дощечках начертаны имена предков ближайших трех поколений — деда, прадеда и прапрадеда. Более старые предки уже убраны отсюда в деревенский храм. Сверху вниз тянутся иероглифы имени,

ученой степени и чина, причем справа идет колонка иероглифов предка, а слева—его жены.

Низ шень-кана гораздо пузатее, чем верх, поэтому образуется приступочка. Посередке приступочки, перед лентой главных иероглифов, фарфоровая курильница, ушастая, вогнутого объема. В ней копится пухлый пепел курительных палочек.

Внутри нижней части алтаря—шкаф. Там курительные палочки, масло для светильника, связки денежных слитков, клеенных из фольги, сжигаемых в день поминовения мертвых, и родовая книга—чу-пу. В ней имена, даты рождений, браков и смертей, дни получения ученых степеней и чинов и дни ухода из родных мест в чужие страны.

Каждый день, утром и вечером, кто-нибудь из маленьких Дэн—обычно этим делом занимаются внучата и сыновья—втыкает в пепел три палочки и зажигает их верхние концы желтым язычком пламени, день и ночь горящего у носика небольшого светильника, похожего на соусник. Когда в семье было достаточно денег, этот светильник горел в литане и день и ночь. Когда у Дэн не стало хватать денег на масло, они начали зажигать светильник только на ночь. Он из лампы стал ночником.

Палочки тлеют, от них тянутся синие веселые нитки к табличкам, и белый пепел цилиндриками обваливается в курильницу.

Когда пепла в курильнице набирается с верхом, его ссыпают в реку под домом.

— Святой пепел в святую воду реки Янцзы,—приговаривает бабушка, передавая внуку тяжелую курильницу.

По бокам курильницы вазы с цветами и медная чаша. Эта чаша—гонг. В нее бьют палкой, и она кричит, созывая души предков на парадный обед к столу, поставленному посреди литана по праздникам, когда полагается помянуть предков. Чаша воет в дни рождения предков, в Новый год, в летний праздник повелителя воды—дракона, в праздник молодого риса, в праздник наступающей осени и в главный праздник—поминовения всех предков. На стол перед шкафом ставятся лучшие блюда. Тут и мясо, и рыба, и молодые овощи.

Вот сейчас май, у вас в Москве холодно, над Чистыми прудами идет снег, а у нас в Сычуане хозяйки рвут с желтых гряд и кладут на столы свежие огурцы.

Внучата (старшим некогда) аккуратно вырисовывают имена предков на квадратах бумаги и кладут эти визитные карточки мертвецов перед таблицами. Это значит, что предки приплыли и сели за обеденный стол. Потом вся семья становится на колени и трижды кланяется главной таблице, сняв лос-

нящиеся ермолки и держа их обеими руками. А затем женщины уносят блюда в столовую, а дети собирают визитные карточки предков, выносят их и осторожно сжигают на каменных плитах двора, чтобы, неровен час, искра не попала на бумажную оклейку окон и не спалила бревенчатых стен дома.

Так начинается праздничный обед. Мы сами едим, вместо духов, а алтарь стоит важный и безмолвный в полутемном литане. Растя в другой деревне, я редко видел это сооружение. Мне было шесть лет, когда я проявил первое вольнодумство по отношению к этой священной машине.

Помню приезд к бабушке в Дэн Цзя-чжень. Я гляжу на цветы в вазах, они пахнут полями и берегами. Я говорю:— Зачем предкам цветы?

— Почему ты это говоришь? — хмурится старший дядя.

— Так ведь они очень хорошо пахнут.

— Вот душам предков и приятно.

— А разве у душ есть носы, чтобы чуют запах?

— Как тебе не стыдно, Ши-хуа,—говорит дядя,—дедушка на тебя смотрит.

Со стены литана глядит портрет деда, умершего в первые годы моей жизни. Как полагается всякому родоначальнику, в пятидесятилетний день рождения он заказал за двадцать даянов портрет художнику из Чунь-цзина. Родоначальник должен оставить о себе память, пока смерть не пришла за ним. Дед—ученый второй степени—цзю-жень. Это звание провинциального масштаба. У него вислые усы с проседью, расходящаяся кверху шалка маньчжурских времен и нагрудный мандаринский квадрат на халате, с вышитыми на нем шелковыми и золотыми птицами.

Впрочем, дом в Дэн цзя-чжень помню плохо и отрывочно. Я бывал в нем наездами. Меня увезли в деревню Сиань-ши, когда мне было два года. По вашему счету мне тогда был только год. Мы, китайцы, считаем возраст не от рождения, а от зачатия.

ШЕН-ШИ. —

ДЯДИНЫ ЗВАНИЯ. — ЭКЗАМЕНЫ

В КЛЕТКАХ. — ДОЛГИЙ ТРАУР. —

ОПЕКУРИЛЬЩИК. — ГДЕ ПАПА?

СТАРШИЙ ДЯДЯ

ГЛАВА III

Отец в Японии в университете. Я его не знаю.

Близок и роден мне в дни моего раннего детства старший дядя, человек, который должен был стать гордостью рода и не стал им.

Ши — это правящее сословие старого Китая — ученые. Только выдержав экзамен и став ши, можно было надеть на себя шен — форменный пояс чиновника, тугой обруч, выложенный камнями и зеркальцами.

Ученость соединялась с государственной должностью и приносимыми ею выгодами. Шен-ши — это именитые семьи, владеющие землей, посылающие своих детей учиться с тем, чтобы потом занять должность и на доходы от нее приумножить земельное владение.

Мы, Дэн, тоже шен-ши, только обедневшие. Шен были редки в нашем роду, оппозиционно настроенном по отношению к маньчжурской династии. Но зато ученые степени красовались в нашем чу-пу рядом с именами предков.

Задолго до моего рождения старший дядя, окончив среднюю школу, получил звание студента — тун-шань. Через три года в окружном городе (эти города узнают по приставке «фу» например, Чифу) он выдержал экзамен на бакалавра — сю-цай. Прошло еще три года, и дядя поехал в Ченду, столицу Сычуана, чтоб. держать экзамен на ученого второй степени — цзю-жень.

Он мне рассказывал, как это было. Экзаменующихся сажали в клетки. Это делалось для того, чтобы с внешней стороны обставить экзамены наиболее честно. Человек вносил с собою в клетку бумагу, кисточки, тушь и мозги, распухшие от потрясающего количества всосанных ими имен, строк, афоризмов, комментариев и дат. Экзамены были только письменные.

Существовало поверие, что если человек безнравственен или преступен, то в клетке он потеряет присутствие духа и срежется. Поэтому готовящийся к экзамену и идущий в клетку ученый должен был всячески следить за собою, чтобы не совершить греха, хотя бы величиною с булавочную головку. Даже шагал ученый по-особенному, осторожно, чтобы не раздавить жужелицы или муравья. Даже жестикулировать он

должен был осторожно, плавно, дабы не повредить какое-либо из микроскопических существ, носящихся в воздухе. Так велел буддизм.

Ученому запрещено было и думать о романах, любовях и куртизанках чайных домов. Даже при встрече с женщиной на улице он должен был опускать глаза. Ученым оставалось из удовольствий вино и опиум. Если сдавший экзамен ученый не шел в чиновники и не пускал своего высокого звания в выгодный оборот, ему оставалось одно—учительство. Дэн редко шли в чиновники, но учителей в их роду было много. Отец и оба дяди немало часов своей жизни положили на учительский стол, муштруя очередное поколение коротеньких и серьезных человечков в халатиках.

В дни досуга ученые собирались в клубе за пьяной трапезой с приятелями по экзаменам. За этими обедами, под круговую чашечку подогретой рисовой водки, развеселившиеся педанты состязались, сочиняя внезапные стихотворения на заданную тему — то нежные и лирические, то иронически философствующие. В этих стихах пустою ракетой взрывались мозги, начиненные строками поэтов, кости которых обратились уже в тысячелетнюю пыль.

Дядя был очень способен. Его сочинение было признано блестящим, отпечатано на казенный счет и разослано родичам и ученым. Казалось, еще три года и он выйдет из экзаменационной клетки Пекина ученым первой степени — цзинь-ши, а там, кто знает, выдержит в императорском дворце экзамен на высшую ученую степень академика — хан-лин.

Но... в семье случился ряд смертей. Умер дядин дед. Дядя одел траурную белую одежду. Строгий траур длится три года и в эти три года нельзя ни жениться, ни держать экзаменов. Дядя терпеливо ждал. Траур приходил к концу, но умерла бабушка. Опять три года ожидания. За бабушкой дядя похоронил своего отца, мать и мачеху.

Пятнадцать лет траура подряд выдержал он. А когда траур его кончился, оказалось, что за это время была отменена (1904) старая система экзаменов. А еще через немного лет суньятсеновцы свергли императорскую династию и отменили ученые степени.

Никогда не мог простить этого дядя новому Китаю в лице моего отца, революционера-суньятсеновца.

— Твой отец — изменник, — часто говорил он мне впоследствии сквозь пьяненькие слезы: — из-за него я не смог получить ученых степеней.

Когда дядя трезв, он брызжит. Выпив за столом чайник горячего желтого вина, он делается веселым, остроумным и добродушным монархистом. Он спойл бы и меня, младенца,

если бы не вмешательство бабушки. Помню, он окунул обеденную палочку — куай-цзы — в вино и дал мне обсосать. Мне не понравилось — горько. Кроме того он курит опий.

Я забираюсь к нему в комнату. Там стоит кровать—огромное сооружение, с досчатыми потолком и полом, вдвигающееся в комнату, как внутренность фотографического аппарата в его оболочку. Между кроватью потолком и полом—столбики. К этим столбам прикрепляется полог, задерживаемый на ночь. В изголовьи кровати, на том же помосте, стоит столик и рядом с ним ящик, заменяющий европейский комод. В теплые дни все это сооружение можно вытаскивать во двор и спать на вольном воздухе. Не страшен даже дождь. Он стечет с досок над кроватью. В комнате кроватный потолок нужен для того, чтобы с бревен комнатного потолка не сыпалась на спящих разная нечисть, вроде сколопендр.

Дядя лезет в ящик и вынимает оттуда толстую бамбуковую опииную трубку, тяжелую от прикипевшего к ее стенкам опиинного дегтя, толстую, как флейта. Он достает банку с опиумом, не плохим, черным, как вакса, а прозрачным, желтоватым, густым, как клей. Вынимает камень, иглу и лампочку. Лампочка особая, медная. Пламя ее закрыто стеклянным колпачком с маленьким отверстием наверху, в которое вытягивается от огня жаркая струйка. Посередине трубки медное седло с отверстием, куда вставляется стеклянная полая луковица. Концом иглы дядя достает из банки каплю опия и нагревает ее над лампочкой. Опиум вскипает и пузырится белой пеной. Эту пену на полированном камне дядя скатывает в плотный шарик, прокалывает этот шарик иглой, как бусинку, помещает эту бусинку в раструб стеклянной луковицы и ложится на кровать, держа выходное отверстие трубки у губ, а шарик все время подогревая над купольцем лампы. Вдыхая опиинный чад, он рассказывает:

— В экзаменационной клетке я сидел три дня. Я взял с собою бамбуковую корзину с едой. Специальные сторожа обыскали меня и корзину. Они следили, чтобы в лепешках и огурцах не было запрятано заранее заготовленной статьи. Я должен был написать — комментарий к поучениям Конфуция. Я выдержал экзамен с треском. Мое сочинение было отпечатано и разослано по всему округу знакомым, родственникам и товарищам по экзамену. Я не скажу тебе темы, ты мал и не поймешь ее, да и сам я, боюсь, забыл уже ее сложное заглавие.

Гнусный сладкий запах опиума затягивает комнату. Дядя уже рассказывает легенду. С нее перескакивает на стихотворную строфу.